

В центре Енисейска есть памятник Неизвестному солдату. На облицованном гранитными плитами постаменте фигура солдата в плащ-накидке и пилотке, сжимающего на груди ремень перекинутого через плечо автомата, окрашенная серебристой краской. На постаменте металлическая плита с надписью «1941–1945». Перед памятником выложен неполный круг из бетонных, вперемешку с гранитной крошкой, плит в виде страниц книги, по две «страницы» на каждой, по внешней и внутренней сторонам круга. Каждая «страница» – это металлическая плита с объёмными буквами, прикреплённая круглоголовыми болтами к плитам. На этих «страницах» в алфавитном порядке фамилии и инициалы тех жителей Енисейска и района, кто ушёл защищать Родину и не вернулся с войны.

На одной из «страниц» этой «Книги памяти» на букву «О» выложена фамилия – «Ожигов Е. И.»

Ожигов Евгений Иванович...

Весной 1942 года, когда Евгению уже исполнилось 18 лет, он получил долгожданную повестку, ведь он давно обивал пороги военкомата с просьбой отправить его на фронт. От старшего брата Степана уже несколько месяцев не было вестей. Тяжёлые дни в ожидании новостей с фронта прибавляли седин родителям братьев, а тут ещё и самого младшего призывают...

Евгений родился 15 февраля 1924 года в большой многодетной семье в деревушке Каменка Енисейского района. Он был последышем – самым младшим в семье. Кроме него в многодетной семье Ожиговых были: брат Степан и четыре сестры – Альбина, Лилия, Нина и Юлия.

Глава семьи Иван Николаевич Ожигов принимал активное участие в Енисейско-Маклаковском восстании 1919–1920 годов, воевал в партизанском отряде под командованием Филиппа Бабкина против колчаковцев.

Небогатый скарб, состоящий из смены белья, краюхи хлеба, варёной картошки «в мундире», небольшого шмата сала и необходимой в дороге мелочи был уложен в вещь-мешок. Завязав простым перекидным узлом горловину своей поклажи, Евгений накинул его на плечо и, попрощавшись с родителями и сёстрами, отправился к месту сбора призывников.

Позади были шумные проводы – весёлые для отъезжающих и грустные для провожающих, впереди – долгая дорога на войну.

Сначала в Енисейск на сборный пункт при военкомате, потом на грузовиках в Красноярск, где в это время формировались целые соединения добровольцев из призывников со всех уголков Красноярского края и уходили на фронт.

Долго ещё перед глазами стояли старшие сёстры, прижимающие кулачки к губам, и машущие на прощание руками;

всхлипывающая, глотающая слёзы, осунувшаяся, как-то намного постаревшая мать и придерживающий её за плечи отец, пытающийся держаться, но стоящие в его глазах слёзы, выдавали тревогу за сына.

Сибиряков в 1942 году отправляли в основном в северо-западном направлении – на Ленинградский, Волховский, Северо-Западный, Калининский фронты.

257-я стрелковая дивизия (1-го формирования) дважды попадавшая в окружения и выходявшая из них, потеряла большую часть личного состава и была расформирована в октябре 1941 года.

В декабре 1941 года была сформирована 257-я дивизия (2-го формирования) на базе оставшихся после расформирования дивизии и пополненных личным составом полков и дивизионов.

В одном из стрелковых полков 257-й дивизии и началась служба красноармейца Евгения Ожигова.

В новеньком полушубке, шапке-ушанке с красной пятиконечной звездой, в скрипящем ремне с навешанными на него брезентовыми подсумками, под полушубком гимнастёрка с малиновыми петлицами пехотинца, на плече боевая, проверенная трёхлинейка со штыком. Молодецкий вихор сменила причёска под «ноль». Чем не бравый воин! И лишь озорной блеск глаз выдавал в нём совсем ещё юного, не нюхавшего пороха солдатика-новобранца.

Дивизия стояла в оборонительных порядках Калининского фронта на Великолукском направлении. Непрерывно велась боевая учёба. Из новичков-новобранцев воспитывали настоящих бойцов – строевая, стрельбы, рытьё окопов, тренировка рукопашных схваток и штыковых атак.

В ноябре 1942 года 3-й ударной армии под командованием генерал-лейтенанта К. Н. Галицкого, в состав которой

входила и 257-я стрелковая дивизия, предстояло провести наступательную операцию по освобождению Великих Лук, Новосокольников и расширения оборонительного плацдарма для сковывания группы армий «Центр» Вермахта.

Штурм Великих Лук начался с двух часовой артподготовки 13 декабря. Части 257-й и 357-й стрелковых дивизий 3-й ударной армии двинулись к окраинам города и вступили в ожесточённые уличные бои. В этих боях плечом к плечу со своими товарищами бился с врагом и красноармеец Евгений Ожигов.

В течение шести дней противник был вытеснен из жилых кварталов и укрепился в стенах старой крепости. Шесть раз наши войска штурмовали крепость, несколько тысяч наших воинов погибли при этих штурмах от шквального огня обороняющихся и после многочисленных авианалётов.

Чтобы как-то облегчить участь окружённых, фашисты решили применить авиацию. По осаждающим крепость советским частям наносились бомбовые удары. Наша авиация не осталась безучастной, так 29 и 30 декабря в воздухе одновременно находилось до трёхсот самолётов. Велись ожесточённые бои как на земле, так и в воздухе.

А 28 декабря под такой авианалёт попали и части полка, в котором сражался Евгений.

Тяжёлая двести пятьдесят килограммовая бомба с пронзительным свистом летела к земле. Пехотинцы при поддержке танков и артиллерии штурмовали крепость. Свист прекратился и практически одновременно с этим прогремел мощный взрыв. Тяжёлые осколки, обломки вывороченного дорожного покрытия вперемешку с землёй и снегом разлетались в разные стороны, разрушая всё на своём пути. И хотя Евгений находился в укрытии за разрушенной стеной, один из осколков ударил его в голову. Каска немного смягчила удар, но скорость

полёта осколка была настолько велика, что её пробило, и правая часть лица Евгения превратилась в кровавое месиво. Его отбросило за стену и присыпало землёй.

Штурм пришлось приостановить и вернуться на исходные позиции. В донесениях о потерях по докладу командира батальона под пунктом 312 значилось: Ожигов Евгений Иванович, красноармеец, стрелок, 1924 года рождения, член ВЛКСМ, уроженец деревни Каменка Енисейского района Красноярского края, погиб в бою 28.12.1942 года в городе Великие Луки.

«Мальчишка совсем!», – мелькнуло в голове у командира дивизии, когда он перечитывал и подписывал списки безвозвратных потерь дивизии за минувшие сутки. На этой странице списка Евгений был самым молодым.

Канцелярия работала по привычному алгоритму. Списки подписаны, составлены, заполнены и отправлены бланки похоронок в адреса, указанные в списках. Такова проза войны. Жестокая, но вполне обыденная. Война без потерь не бывает.

Но такая вот бумажка может многое натворить, много слёз будет пролито, много лет жизни у родителей и родных отнято от такого известия. Тем более, когда погибшему всего лишь 18 лет...

После освобождения города тыловики-канцеляры составили списки захоронений в братских могилах города и окрестностей. Под номером 3356, захороненных в одной из братских могил города Великие Луки, фигурировала и фамилия красноармейца Ожигова Е. И.

... Похоронная команда пошла по местам боёв, когда солнце скрылось за горизонтом. Смеркалось, дым от пожаров завлакивал и без того прикрытое тучами ночное светило. Погибших на носилках, в плащ-палатках выносили к местам сбора, затем увозили на грузовиках к местам захоронения в братских могилах.

Санитары похоронной команды высветили фонарями присыпанное землёй тело красноармейца за разрушенной кирпичной стеной. Отработанными движениями разложили плащ-палатку и, когда взяли красноармейца за руки и за ноги, послышался слабый стон.

– Живой! – переглянувшись между собой, заключили санитары.

Осветив фонарём красноармейца и увидев изувеченное осколком окровавленное лицо, выдавший и более страшные картины смертей и ран один из ребят-санитаров, облегчённо выдохнув, проговорил:

– В рубашке родился! Полголовы нет, а дышит! Жив, чертяка! Может, оклемается ещё!

Аккуратно, чтобы не сильно болтать при переноске, практически бегом донесли Евгения до грузовика, а это был он – красноармеец Евгений Ожигов, стрелок 257-й стрелковой дивизии 3-й ударной армии, на ходу доложили старшему команды:

– Живой! Ранен тяжело, в голову, но живой!..

Армейский медсанбат, потом госпиталь, эвакуация в тыл, долгое лечение и длительная реабилитация...

...По разбитой пыльной дороге, по набитым колёсами проезжавших автомобилей и тракторов колеям, густо заросшей бурьяном по обочинам, в переваливающейся на ухабах с боку на бок попутной полуторке, ехал до Енисейска молодой солдат.

Он ехал домой. После излечения в госпитале ему предоставили краткосрочный отпуск. Сердце трепетало по мере приближения к родным местам, смешанные чувства и мысли бурлили в душе и в голове...

Полуторка притормозила возле школы № 1 в самом центре города. Высокое трёхэтажное красного кирпича здание 1876 года постройки – бывшая мужская гимназия, одно из старей-

ших учебных заведений города и края. В августе 1913 года здесь встречался с гимназистами и читал лекции знаменитый норвежский путешественник Фрицьоф Нансен.

Именно в этой школе работал истопником отец Евгения, там же ему предоставили небольшую коморку, в которую он перевёз из Каменки оставшуюся часть семьи.

Рано поседевшая, ещё по годам только достигшая зрелого возраста, женщина, услышав неуверенный осторожный стук, усталой походкой подошла к входной двери.

– Кто там? – спросила она, поправляя, съехавшую с плеча, шалёнку.

– Это я – ваш сын, Женя! – послышался из-за двери взволнованный, едва не сорвавшийся до фальцета голос.

Женщина, получившая две похоронки с разных фронтов этой жестокой войны, в которых казённым слогом написаны разрывающие сердце слова: «Ваш сын, Ожигов Степан Иванович ...» – в первой и «Ваш сын, Ожигов Евгений Иванович, пал смертью храбрых...» – во второй, упавшим голосом еле слышно произнесла:

– У нас нет сына Жени. Он умер!

От этих слова у Евгения застучало в висках и бросило в жар, потом его пробил озноб, а в горле предательски застрял поднявшийся из сдавленной груди комок рыданий. С трудом преодолев накатившиеся эмоции, он буквально выдавил из себя крик:

– Мама! Это же я – Женя! Я живой!..

Дверь, протяжно проскрипев на петлях, отворилась. На пороге маленькой каморки стояла невысокая седая женщина в простенькой домашней одежде, с натруженными узловатыми руками, с полными от слёз глазами...

...Июль 1944 года. Войска 3-го Прибалтийского фронта прорвав глубоко эшелонированную, некогда считавшуюся

неприступной, линию обороны фашистских войск «Пантера», в ходе Псковско-Островской операции, освободили города Псков, Остров и около семисот населённых пунктов Псковщины, развивали своё наступление к границам Прибалтийских республик.

В одной из рот 384-го истребительного противотанкового артиллерийского полка РГК 42-й армии под командованием генерал-лейтенанта В. П. Свиридова, сержант медицинской службы Ожигов Евгений Иванович, проходил службу в должности санинструктора.

Гитлеровцы, чтобы не попасть в очередное кольцо окружения, спешно покинули Псков, и, укрепившись на последних рубежах «Пантеры», пытались наносить контратакующие удары по наступающим советским войскам.

Находясь на одной из оборонительных позиций, сержант Ожигов руководил приданными ему санитарями, организовывая вынос раненых артиллеристов с поля боя.

Фрицы наседали, неся большие потери в живой силе и технике. Доставалось и нашим. Много полегло в том бою советских солдат и офицеров.

Рук не хватало, чтобы вынести из-под огня всех раненых. Тогда сам Евгений, броском вперёд, перескакивая через покорёженные заграждения, укрываясь в воронках от разрывов, добрался до ведущих оборонительный огонь оружейных расчётов. Раненых было много. Кто мог держать оружие оставались на поле боя, получив первую медицинскую помощь. Тяжелораненых необходимо было эвакуировать. Одного за другим Евгений вытянул с поля боя восьмерых бойцов. Санитары и тыловики принимали раненых, на носилках переносили их в блиндажи медсанбата.

Приметив одного тяжелораненого командира орудия, вынося восьмого бойца, Евгений решил вернуться за ним.

Опять тем же путём, преодолевая преграды, где бегом, где ползком, прибыл на пункт назначения. На бруствере возле опрокинутого взрывом орудия лежал тот самый сержант, с гримасой боли на прокопчённом от дыма и гари лице, сжимая руками глубокую, кровоточащую рану на перебитой выше колена ноге. Вокруг орудия, в разных позах, в каких их застала смерть, лежал его погибший расчёт. А впереди, перед бруствером догорали подбитые немецкие бронетранспортёры на пыльной дороге, в зарослях кустарника лежали десятки трупов немецких солдат. Внимательно осмотрев всех погибших артиллеристов, ведь мало ли что – его же самого, тогда в 42-м в Великих Луках посчитали погибшим, Евгений, уже привычный к виду крови и смертям, всё же почувствовал неприятный холодок в теле, в глазах затрепетали слёзы – ведь многих из них он знал лично...

Но, к чёрту сантименты! Это война! Надо делать свою работу.

– Потерпи, браток! – приговаривал Евгений, обрабатывая рану и накладывая тугую повязку на бедро раненого сержанта.

Тот скрипел зубами, иногда постанывал, но терпел...

Всё, перевязка закончена, надо оправляться в обратный путь.

Сначала Евгений взвалил раненого на плечи и вытащил его на себе из капонира.

На плащ-палатке Евгений тянул раненого сержанта к нашим окопам. Сержант, потерявший много крови, всё же старался, насколько хватало сил, здоровой ногой и руками помогать движению. Заползая в воронки от разрывов снарядов, немного переводили дух, потом снова в путь...

Издали со свистящим, нарастающим по мере приближения звуком, летел осколочный снаряд, выпущенный из

орудия легкой артиллерийской батареи противника. Враг развернулся на опушке небольшого леса. Находясь лицом по направлению к фронту, Евгений, слыша этот противный режущий уши свист, понимал, что ударит совсем рядом. Они как раз продвигались по склону небольшой высотки, поросшей густым кустарником.

Евгений закрыл своим телом раненого в тот самый момент, когда ухнула земля от вонзившегося в неё, в нескольких метрах от них, снаряда. Взрыв встряхнул высотку, вырвав из неё ком земли и разметав его в стороны. Резкая, пронзающая боль от осколка в правую голень отдалась в теле Евгения.

Разорванный сапог наполнялся кровью. Приподнявшись, Евгений, корчась от боли, осмотрел рану.

«Да, кажись, отвоевался! Кость перебита! – заключил он, туго перебинтовывая наложенную на голень шину, – главное дотянуть до своих! И парня б дотащить целым».

– Что там? – спросил сержант, очнувшись после кратковременной потери сознания.

– Всё нормально! Держись, браток! Скоро доползём! А там медсанбат, госпиталь, сестрички в белых халатах. Заштопают тебя, ещё плясать будешь.

Скорее себя, чем раненого успокаивал Евгений.

«Эх! Дотянуть бы до своих... – несмотря на боль, искусав в кровь губы, Евгений, волоча перебитую ногу, тянул плащ-палатку с всё чаще теряющим сознание сержантом-артиллеристом. – Вот и наши окопы. Добрались, кажись!»

Навстречу санинструктору и сержанту-артиллеристу из окопов, пригибаясь, выскочили два автоматчика. Лихо подхватив плащ-палатку с сержантом, бойцы через мгновение скрылись в глубине окопа.

Евгений сам дополз до края окопа и, придерживаемый подоспевшими солдатами, развернувшись, скатился по стенке

окопа. У него закружилась голова, терялась ориентация в пространстве. Автоматчики подхватили под руки начинавшего обмякать от смертельной усталости, от потери крови в ноющей ране, Евгения.

– Эй, медицина! Живой? – несколько лёгких пощёчин на некоторое время привели его в чувство.

– Ой-ёооо! Да ты ранен! – произнёс тот же голос, – носилки! Бегом!..

Приказом за номером 012/н от 27 июля 1944 года по 384-му истребительному противотанковому артиллерийскому полку РГК от имени Президиума Верховного Совета СССР, санитарный инструктор, сержант медицинской службы Ожигов Евгений Иванович награждён медалью «За отвагу»...

Я держал в руках эту медаль. Потёртый по краям кругляк серебристого цвета, от времени потускневший до грязно-серого, на колодке, перетянутой муаровой лентой серого цвета с узкими синими полосками по краям. На аверсе выпуклые изображения танка и звена самолётов в верхней части медали также отненены тёмно-серым цветом. Но надписи «За отвагу» и «СССР» в нижней части медали, заполненные лаком алого цвета, до сих не потеряли свежести красок.

Довелось мне и встречаться с дядей Женей. К сожалению, только однажды. Как-то раз, будучи в Лесосибирске, мы с моей супругой Татьяной решили зайти к нему в гости. Он проживал в небольшой однокомнатной квартире в пятиэтажной хрущёвке на улице Победы. Третий подъезд, третий этаж. На пороге квартиры стоял 76-летний пожилой мужчина, в тренировочных брюках и защитного цвета рубашке навыпуск, и приветливо улыбался. Когда-то густые, зачёсанные наверх вьющиеся волосы теперь серебрились сплошной сединой. Треугольный белый шрам на левой брови и едва заметная вмятина на правой стороне лба нисколько не обезображи-

вали его покрытого глубокими морщинами добродушного лица. Тёплое пожатие руки, озорные искорки в уголках глаз оставили в памяти о нём само благоприятное впечатление.

Мы пили чай за круглым столом общались. Он расспрашивал Таню о маме, сестре, брате, своих внуках, рассказывал о своей жизни, вспоминал войну.

Дело в том, что он для Татьяны и её брата-двойняшки Георгия приходился лишь первым мужем их матери.

...С 22 мая и в начале лета 1941 года по приказу наркома внутренних дел СССР Лаврентия Берия началась принудительная депортация «контрреволюционеров и националистов» с Западной Украины. В их числе была выселена со своих нажитых родных мест из села Бакарин Ровенской области в далёкий сибирский городок Енисейск и семья Петровских – мама Матрёна Лукашевна и три её дочери: Евгения, Марта и Мария Ефимовны. Сам Ефим Петровский скорее всего был репрессирован на месте, о судьбе его ничего не известно...

В конце 1944 года сержанта Евгения Ожигова комиссовали по ранению и демобилизовали из рядов Красной Армии. Он вернулся домой. Последствия от полученных ранений сказались на его трудоустройстве. Например, из-за проблем с ногой он не мог управлять автомобилем, а ему так хотелось сесть за баранку...

Но уже принятый в ряды коммунистической партии Евгений Иванович не остался без дела. Работал на одном из лесоперерабатывающих предприятий, активно участвовал в общественной жизни предприятия и города...

Жили они всё также в 1-й школе, а рядом – во 2-й школе жили и работали Петровские. Младшая Мария, украинская красавица с густой до пояса косой, приглянулась Евгению. Завязались отношения. Вскоре они поженились, а 10 сентября 1951 года на свет появилась их дочь Людмила.

Но партийные функционеры местного пошиба узрели в этом браке нечто предосудительное. Как же так! Он – коммунист, активист, а она – дочь репрессированного контрреволюционера, ссыльная.

Евгения Ивановича поставили перед выбором. Либо ты бросаешь дочь «врага народа», либо... Последствия в те годы могли быть самыми непредсказуемыми и даже трагическими.

...Мемориал в память о невернувшихся с фронтов Великой Отечественной войны енисейцах был сооружён как раз напротив школы № 1. Материалы для «страниц» по всей видимости, были позаимствованы из архивов военкомата города Енисейска. По тем же источникам была и составлена Книга памяти Красноярского края, где на странице 296 3-го тома на букву «О» также напечатаны данные о гибели Ожигова Евгения Ивановича, 1924 года рождения, 28 декабря 1942 года в пригороде Великих Лук. И в Книге памяти Енисейского района, которую я лично держал в руках и своими глазами читал, точно такие же строки о гибели Евгения Ивановича в декабре 1942 года.

Но на «страницах» мемориала у памятника Неизвестному солдату нет упоминания о Степане Ожигове, действительно погибшем в боях против фашистских оккупантов...

Евгений Иванович умер летом 2001 года на 78-м году жизни в городе Лесосибирске, в больнице, после операции, не выдержало сердце. Я присутствовал на его похоронах и провожал его вместе со всеми родственниками и членами совета ветеранов Великой Отечественной войны города в последний путь. Захоронен он на городском кладбище.

А 19-го марта 2015 года в городе Химки Московской области у его внука Евгения, названного в его честь, родилась дочь Анастасия. Его правнучка.